

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-123-139>

ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ФИНЛЯНДИИ

Юсси Лайне

*Ассоциация исследований границ и приграничных территорий,
Университет Восточной Финляндии, Йоэнсуу, Финляндия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 октября 2016 <i>Принята к печати:</i> 15 ноября 2016</p>	<p>Аннотация: В истории Российской Федерации и Финляндии есть немало общих страниц. За исключением периода двух вооруженных конфликтов, отношения между обеими странами обычно характеризуются как дружественные. Имея общую границу с Россией протяженностью более 1300 километров, Финляндия всегда была тесно связана со своим восточным соседом. Однако несмотря на географическую близость, закрытость границ в эпоху холодной войны увеличила психологическое расстояние между двумя сторонами и способствовала формированию стереотипных представлений друг о друге. В результате укоренившееся в сознании многих мышление в категориях «мы» и «они» оказалось куда более глубоким и менее преодолемым, чем государственная граница. Автор прослеживает развитие имиджа России в общественном сознании Финляндии по материалам колонки мнений в крупнейшей газете страны <i>Helsingin Sanomat</i> за 1990-2010 годы. Их анализ показывает, что для улучшения общего геополитического имиджа России почти ничего не было предпринято. Несмотря на понимание потенциала соседства с Россией, многие финны по-прежнему придерживаются стереотипных представлений о восточном соседе. Мифы о России используются для передачи идеологических норм, а также доминирующих и исторических ценностей финской культуры. Таким образом, мифы служат для того, чтобы сделать коллективные взгляды и убеждения, пусть и необоснованные, естественными и самоочевидными. Тексты-мнения, проанализированные в данном исследовании, не могут считаться только формой коммуникации, т.е. передачей знаний от автора к читателям. Наоборот, они являются яркими примерами коммуникативного построения смыслов, с помощью которого они вызывают у читателя желание их интерпретации. Чем сильнее основной миф, тем легче автору (отправителю сообщения) и читателю (получателю сообщения) прийти к общей интерпретации. В результате создан некий шифр, который может быть раскрыт только теми, кто знаком с соответствующими кодами и обладает соответствующим социальным знанием, из чего исходит отправитель.</p>
<p>Об авторе: Ответственный секретарь, финансовый директор, Ассоциация исследований границ и приграничных территорий, Университет Восточной Финляндии, Карельский институт e-mail: jussi.laine@uef.fi</p>	
<p>Ключевые слова: Имидж; Финляндия; Россия; газеты; публицистика; журнализм мнений.</p>	

Введение

В Финляндии неприязнь и пренебрежительное отношение к России и россиянам в прошлом часто изображались чуть ли не как национальная черта. Теперь, когда Россия вновь стала крупнейшим торговым партнером страны, появилась необходимость в корректировке стереотипов. Старые обиды препятствуют сотрудничеству с бывшим

врагом, открывающему огромные возможности не только в торговле, но и в других областях.

Большинство исследований восприятия России в Финляндии проводились финнами для финнов и на финском языке. Такие исследования обычно основывались на анализе письменных источников или опросах экс-

пертов, и многие из них представляют значительный интерес¹. Однако, как правило, авторы рассматривали сложившееся отношение к России как данность и не вдавались в изучение его происхождения и эволюции. Газетные материалы представляют собой уникальный источник для такого анализа, так как отражают изменения общественного сознания в ходе повседневных событий.

В настоящей статье прослеживается изменение имиджа России в 1990–2010 гг. на основе анализа мнений читателей главной финской газеты *Helsingin Sanomat*. Следует подчеркнуть, что после 2010 года и особенно в 2014 году в результате кризиса на Украине произошли резкие изменения в освещении России финскими СМИ. Анализ этих драматических изменений, однако, остается за рамками настоящего исследования.

Основное внимание уделено письмам в редакцию и статьям-мнениям, которые по определению являются более категоричными, чем фактологические новостные статьи. Письма в редакцию обычно содержат больше эмоций, чем фактов. Это важно, поскольку доказано, что эмоции могут влиять на общественное мнение больше, чем факты. Настоящее исследование, однако, отвергает традиционное противопоставление «реального» и «воображаемого»: образ соответствует реальности для его носителя именно потому, что она воображаема. Как показывает исследование, финны как нация имеют типичные для них регулярные и повторяющиеся паттерны смыслообразования, помогающие определять и поддерживать чувство общности.

¹ Klinge, Matti. *Keisarin Suomi*. Espoo: Schildts & Söderströms, 1997; Immonen, Kari. *Ryssästä saa puhua... / Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918–1939*. Helsinki: Otava, 1987; Immonen, Kari. *Suomalaisten Venäjä-kuva ja uusi Neuvostoliitto*. Kuopio: Snellman instituutti, 1990; Luostarinen, Heikki. *Perivihollinen: Suomen oikeistolehdistön Neuvostoliittoa koskeva viholliskuva sodassa 1941–1944, tausta ja sisältö*. Tampere: Vastapaino, 1986; Vihavainen, Timo. (eds). *Venäjä kahdet kasvot: Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä*. Helsinki: Edita, 2004; Seppänen, Esa. *Venäjä vanha tuttu, vaan niin vieras. Suomen naapurikuvan todet, luulot ja harhat*. Helsinki: Tammi, 2010.

Изменения в восприятии России

Образ России среди финнов в эпоху Великого княжества Финляндского был в целом положительным². Ранняя финская идентичность строилась на противопоставлении доминирующей шведской культуры – по крайней мере, в тот период, когда Финляндия находилась в составе России и отношение населения к ней контролировалось³. Антироссийские настроения возникли только в так называемые годы угнетения в начале XX века, во многом как реакция на политику русификации, нацеленную на ограничение свобод в Финляндии. Антипатия перешла в ярко выраженную неприязнь после того, как Финляндия получила в 1917 году независимость, и бывшая метрополия стала врагом. Возникновение межгосударственной границы стало олицетворением различий, важных для финской национальной идентичности, и сильные антироссийские чувства были внедрены в общественное сознание финнов как миф о вечной борьбе добра и зла⁴. На практике это проявлялось в открыто пренебрежительных описаниях советской системы и советских людей⁵.

В. Харле и С. Моизио⁶ видят четкую взаимосвязь между неприязнью к русским и

² Paasi, Anssi. *Territories, Boundaries and Consciousness: the Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. Chichester: John Wiley & Sons, 1996. P. 159.

³ Paasi, Anssi. *The Construction of Socio-Spatial Consciousness: Geographical Perspectives on the History and Contexts of Finnish Nationalism // Nordisk samhällsgeografisk tidskrift*, 1992, No. 15, pp. 79–100; Paasi, Anssi. *Territories, Boundaries and Consciousness: the Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. Chichester: John Wiley & Sons, 1996.

⁴ Hakovirta, H. (1975). *Odota ja katso: analyysi Suomen läntisen integraatiopolitiikan perusmallista / In H. Hakovirta & R. Väyrynen (Eds), Suomen ulkopoliittikka*. Jyväskylä: Gummerus, pp. 415–419; Luostarinen, Heikki. *Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image. Journal of Peace Research*, 1989, No. 26, pp. 123–137.

⁵ Paasi, Anssi. *Territories, Boundaries and Consciousness: the Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. Chichester: John Wiley & Sons, 1996.

⁶ Harle, Vilho; Moisio, Sami. *Missä on Suomi? Kansallisen identiteettipolitiikan historia ja geopolitiikka*. Tampere: Vastapaino, 2000.

политикой формирования финской идентичности. Неприязнь достигла пика в период с 1918 по 1944 годы, когда непохожесть на россиян сознательно преувеличивалась по политическим причинам. Проект финской национальной идентичности преследовал две основные цели: 1) определить место Финляндии среди других наций и 2) объединить финскую нацию против общей угрозы. Достижение этих целей облегчалась тем, что Финляндия географически и политически находилась на границе между Востоком и Западом, и Советский Союз мог служить общим врагом для всех жителей страны.

В результате восточная граница приобрела в финском национальном сознании особую роль. Она изображалась не только как государственная граница, но и как рубеж между разными культурами и политическими системами и даже как цивилизационный водораздел между Европой и Азией, Востоком и Западом, язычниками и христианами, прогрессом и застоём⁷. С ростом значимости государственной границы с Россией ментальная граница становилась все глубже, и Финляндия представлялась как форпост Запада, в одиночку противостоящий Востоку⁸. При этом собственная идентичность воспринималась не просто как другая, но и как изначально более правильная. Из-за отсутствия личного опыта представления о России во многом опирались на мифы и стереотипы⁹.

Основной причиной сложившегося отношения финнов к русским считается страх, возникший в результате очевидно неравного соотношения потенциалов небольшой

Финляндии и могучего Советского Союза¹⁰. Вайно Вайонмаа писал: «Отношения между Финляндией и Россией прежде всего были асимметричны: это были отношения между малым и большим, бедным и богатым, малонаселенным и могучим. ... Другой особенностью отношений между двумя странами была враждебность, географическая и историческая противоположность, общие сильные различия во всем – землях, расах, религиях, цивилизациях, привычках, государственных учреждениях. Во всей Европе, во всем мире вряд ли можно найти пропасть между двумя соседями глубже той, что разделяет Финляндию и Россию. Если можно говорить о заклятых врагах, то это именно тот случай»¹¹.

После Второй мировой войны образ России в финском обществе стал более нейтральным, в основном в результате цензуры материалов антисоветского содержания¹². И школьные учебники, и газеты должны были придерживаться новой финской политики безопасности, рисуя отношения между бывшими врагами как дружественные. Это означало, что Советский Союз нельзя было считать диктатурой, а социалистические страны описывались как прогрессивные социальные государства: поколение эпохи Кекконена знало, что такое «мирное сосуществование» и в какой стране «хлеба росли быстрее»¹³.

Хотя из учебников в целом уже исчезли уничижительные стереотипы об отдельных странах и народах¹⁴, в отношении Советского Союза и русских как народа они сохранялись за отсутствием более объективной ин-

⁷ Browning, Christopher S.; Lehti, Marko. Beyond East-West: Marginality and National Dignity in Finnish Identity Construction // *Nationalities Papers* 2007, No. 35(4), pp. 691-716; Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*, 1993, No. 72(3), pp. 22-49.

⁸ Immonen, Kari. Ryssästä saa puhua... / Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918–1939. Helsinki: Otava, 1987; Harle, Vilho; Moisio, Sami. Missä on Suomi? Kansallisen identiteettipolitiikan historia ja geopolitiikka. Tampere: Vastapaino, 2000.

⁹ Vihavainen, Timo. (eds). Venäjän kahdet kasvot: Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä. Helsinki: Edita, 2004.

¹⁰ Vihavainen, Timo. (eds). Venäjän kahdet kasvot: Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä. Helsinki: Edita, 2004. P. 435.

¹¹ Voionmaa, Väinö. Suomen uusi asema: Maantieteellisiä ja historiallisia peruspiirteitä. Porvoo: WSOY, 1919.

¹² Raittila, Pentti. Suomalaisnuoret ja idän ihmema. Helsinki: Valtion painatuskeskus, 1988.

¹³ Tuomisalo, T. Aivopesus jälkeen syytäkin metelöidä / Helsingin Sanomat, 28 March, 2009.

¹⁴ Paasi, Anssi. The Construction of Socio-Spatial Consciousness: Geographical Perspectives on the History and Contexts of Finnish Nationalism // *Nordisk samhällsgeografisk tidskrift*, 1992, No. 15, pp. 79-100.

формации. Например, в учебнике географии для начальной школы, изданном в 1947 г.¹⁵, говорилось, что «русские – добродушные, счастливые и общительные люди, которые любят петь, играть и танцевать. Их любимым напитком является чай, и даже в самых бедных избах есть самовар». Однако в школьных учебниках в целом наблюдались очевидные признаки «финляндизации», «Вынужденная» дружба и связанная с ней цензура, диктуемые Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией¹⁶, продолжались вплоть до распада Советского Союза.

В 1990-х годах Россия преподносилась в учебниках с растущей долей критики¹⁷. Подчеркивались различия между странами¹⁸. Такой образ России вместе с ее негативным освещением в СМИ во многом объясняет, почему даже молодое поколение, не жившее во времена трагических событий Второй мировой войны, так же негативно воспринимает Россию, как и представители старших возрастных когорт. Так, показано, что молодежь, живущая недалеко от границы, воспринимает Россию как чужую страну, о которой мало что можно сказать позитивного¹⁹.

Имидж для чего и для кого?

Имидж России в Финляндии обычно увязывается с внутривластными мотивами и принятыми ее руководством решени-

ями в области национальной безопасности. Особенно отчетливо это проявлялось в «политике дружбы», которая не ограничивалась межгосударственными отношениями, но затрагивала и интересы простых граждан. Образ России всегда выстраивался с определенной целью – по крайней мере, частично. С одной стороны, он должен был учитывать ограничения послевоенной эпохи, чтобы удовлетворить всемогущего восточного соседа. СМИ, находившиеся под жесткой цензурой, не имели другого выбора, кроме как рисовать положительную картину Советского Союза и *Homo Sovieticus*.

С другой стороны, имидж России должен был убеждать население в правильности принятых финским руководством решений. Как известно, представления о безопасности строятся в зависимости от восприятия угроз²⁰. Оно намеренно конструируется путем тиражирования определенных взглядов ради поддержки населения. Однако по мере того, как люди находили все больше альтернативных каналов получения информации, разрыв между риторикой (сконструированными образами) и практикой (личным опытом и восприятием) увеличивался.

Когда политика принудительной дружбы, наконец, канула в лету, оказалось, что историческая враждебность к России за годы «дружбы» никуда не исчезла. По сравнению с любой другой страной, финляндско-советские/российские отношения по-прежнему явно более идеологически окрашены. Как показывают различные исследования и опросы, проведенные в 1990-х и 2000-х годах, финны продолжают выражать неодобрение или, по крайней мере, испытывать опасения России и россиянами²¹. Так, по результатам международного опроса, проведенного в 60 странах, в 2004 году финны относились к России крайне негативно,

¹⁵ Aro, J. E.; Rosberg, Johan E.; Poijärvi, L. Arvi P. Koulun maantieto. Helsinki: Otava, 1947.

¹⁶ Raittila, Pentti. Suomalaisnuoret ja idän ihmema. Helsinki: Valtion painatuskeskus, 1988; Luostarinen, Heikki. Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image. // *Journal of Peace Research*, 1989, No. 26, pp. 123-137.

¹⁷ Holmén, Janne. Den politiska läroboken: bilden av USA och Sovjetunionen i norska, svenska och finländska läroböcker under Kalla kriget. Uppsala: Uppsala University, 2006.

¹⁸ Suutarinen, Sakari. Kansallisen identiteetin opettaminen ja uuden vuosituhannen haasteet / In S. Suutarinen (Ed.), *Nuoresta pätevä kansalainen*. Jyväskylä: University of Jyväskylä, 2000. Pp. 86-126.

¹⁹ Jukarainen, Pirjo. Rauhan ja raudan rajoilla: nuorten maailmanjäsenyyksiä Suomen ja Venäjä sekä Ruotsin ja Suomen rajojen tuntumassa. Helsinki: Like, 2001.

²⁰ Linnéll, Jarno. Suomen uhkakuvapolitiikka 2000-luvun alussa. Helsinki: National Defence University, Department of Strategic and Defence Studies, 2009.

²¹ См. например: Helakorpi, Seppo; Juuti, Pauli; Niemi, Hannele. *Tiimiorganisoitu koulu*. Juva: WSOY, 1996.

уступив только косоварам²². Стоит, правда, отметить, что некоторые другие опросы показали противоположные результаты.

Столь отрицательное отношение обусловлено обычно приписываемой россиянам непредсказуемостью²³. Утверждается, что призрак Советского Союза все еще жив, Россия ассоциируется с бывшим СССР, а коммунизм воспринимается как нечто загадочное и сверхъестественное²⁴. Некоторые авторы считают, что негативное отношение к России обусловлено историческими событиями (например, «Зимней войной» 1939-1940 гг. и «Войной-продолжением» 1941-1944 гг.), а также нестабильной ситуацией в России²⁵.

Русские упоминаются в финской печати чаще представителей других национальностей, когда речь идет о преступности²⁶. В материалах о России акцентируется ее специфичность и экзотичность, а общие с другими странами черты преуменьшаются²⁷. Какой-нибудь скандал в России преподносится как проблема и особенность всего российского общества, в то время как нечто подобное в любой другой стране освещалось бы как частный случай. СМИ могут легко формировать негативные стереотипы у людей, не имеющих личного опыта. К тому же редакторы финских газет часто предполагают, что их аудитория относится

к России предвзято, если не враждебно, и в результате выбирают соответствующие сюжеты и тональность публикаций²⁸. В целом преобладал «относительный консенсус» о том, что можно сказать, а о чем следует умолчать²⁹. Журналистские идеалы приносились в жертву национальным интересам.

Разные авторы анализировали образ России на основе различных материалов, но выводы были в значительной степени похожи. Так, А. Халликайнен³⁰, изучив образ России в программных документах региональных советов с использованием газет в качестве сравнительного материала, пришел к выводу, что оптимистические оценки середины 1990-х вскоре стали более осторожными. А. Ноккала³¹, анализируя точку зрения Сил обороны Финляндии и министерства обороны, установил, что военный истеблишмент рассматривает Россию как постоянный фактор неопределенности, как иное общество и крупную державу, на которую Финляндия может оказывать лишь ограниченное влияние. Как считают В. Харле и С. Моизио³², для финской национальной идентичности Россия была чем-то таким, от чего финны хотели дистанцироваться.

В наши дни важными факторами формирования образа страны становятся личные поездки, общий интерес к ней, деловые связи и контакты. Восприятие России

²² Aittokoski, Heikki; Kovanen, Inka. Suomalaiset suhtautuvat erittäin karsaasti Venäjään // *Helsingin Sanomat*, 11 October 2004.

²³ Haikonen, Jyrki; Kiljunen, Pentti. Mitä mieltä, suomalainen? Helsinki: Taloustieto, 2003.

²⁴ Raittila, Pentti. Venäjä kansalaismielipiteenä / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 125-168.

²⁵ Seppänen, Esa. Venäjä vanha tuttu, vaan niin vieras. Suomen naapurikuvan todet, luulot ja harhat. Helsinki: Tammi, 2010.

²⁶ Raittila, Pentti. Etniset aiheet, vähemmistöt ja niiden suhteet suomalaisessa journalismissa vuonna 2000 / In P. Raittila (Ed.), *Etnisyys ja rasismi journalismissa*. Tampere: University of Tampere Press, 2002. Pp. 31-108.

²⁷ Pietiläinen, Jukka. Venäjä ulkomaan uutisoinnin kohteena: erikoistapaus? / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2001. Pp. 171-189.

²⁸ Ojajärvi, Sanna; Valtonen, Sanna. Karhun ja kassakoneen naapurissa: journalismin ja kansalaisten Venäjä / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 19-67.

²⁹ Lounasmeri, Lotta. Sinivalkoisin vai vaaleanpunaisin silmälasein? Neuvostoliiton kuva suomalaisessa julkisuudessa Tšekkoslovakian miehityksestä Janajevin juntaan / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 68-124.

³⁰ Hallikainen, Anna. Venäjän kahdet kasvot: maakunnallisten ohjelma-asiakirjojen ja vertailuaineiston välittämä Venäjä-kuva. Tampere: Tampere University Press, 2003.

³¹ Nokkala, Arto. Uhka ja kumppani: Venäjä Suomen puolustushallinnossa. Helsinki: National Defence University, 2009.

³² Harle, Vilho; Moisiö, Sami. Missä on Suomi? Kansallisen identiteettipolitiikan historia ja geopolitiikka. Tampere: Vastapaino, 2000.

и русских претерпевает изменения. Русские уже не просто незнакомые соседи, но и коллеги, однокурсники, клиенты, работники и предприниматели³³. Единого восприятия и понимания России теперь не существует, черты ее образа носят противоречивый, конкурентный, разнообразный и специфичный для каждой территории характер³⁴.

Категоричная журналистика

Раздел мнений является единственной рубрикой в газете, где читатели могут выступать в роли публицистов³⁵. Он играет важную роль в понимании качества журналистики. Хотя редакторам необходим успех их продукта в условиях рыночной системы, в разделе мнений они также обязаны обеспечить определенную свободу слова, чтобы сохранять авторитет в глазах читателей и тем самым высокий тираж газеты³⁶. Через журналистику мнений и публицистику газеты могут способствовать формированию и артикуляции общественного мнения³⁷. Материалы явно публицистического характера (редакционные статьи, так называемые оп-эды³⁸, письма в редакцию и т.д.) не претен-

дуют на объективность и отражают субъективные точки зрения, обычно публикуемые с какой-либо социальной или политической целью. На первый план выступают личные взгляды, а не факты. Через них газета выражает свою позицию и прислушивается к тому, что говорят ее читатели.

Многие публицистические материалы создают черно-белую дихотомию, противопоставление «мы-они»³⁹. В редакционных статьях для описания политических деятелей и событий часто используются противопоставления, особая лексика. Для преуменьшения информации, неудобной для «нас», и акцентирования негативной информации о «них» регулярно используются риторические конструкции⁴⁰. Т. Эдensor предлагает новую концепцию национальной идентичности как сложной матрицы, в которой значимые практики и культурные элементы собираются вместе для консолидации принадлежности к стране. Эти коллективные и индивидуальные элементы, а также практики, на которые они влияют, сливаются в целое для воспроизводства его очевидности, вписывая субъективный опыт в общий опыт нации⁴¹.

Публикация писем рядовых граждан показывает, что газета отражает широкий спектр мнений⁴². Тем не менее, публикация писем во многом определяется отбором новостей, а также редакционной политикой и

³³ Lounasmeri, Lotta. Lähellä, mutta niin kaukana? Suomalaisen Venäjäkuvan äärellä / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 7-15.

³⁴ Ojajärvi, Sanna; Valtonen, Sanna. Karhun ja kassakoneen naapurissa: journalismin ja kansalaisten Venäjät / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 19-67.

³⁵ Wahl-Jorgensen, Karin. Playground of the Pundits or Voice of the People? Comparing British and Danish Opinion Pages // *Journalism Studies*, 2004, No. 5(1), pp. 59-70.

³⁶ Wahl-Jorgensen, Karin. Letters to the Editor // *Peace Review*, 1999, No. 11(1), pp. 53-59; Page, Benjamin I. Who Deliberates? Mass Media in Modern Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1996;

³⁷ Wahl-Jorgensen, Karin. Op-ed Pages / In B. Franklin (Ed.), *Pulling Newspapers Apart*. London: Routledge, 2008. P. 70.

³⁸ «Оп-эды» (англ. op-ed, opinion editorial) – это статьи, выражающие мнения эксперта или другого автора, не входящего в редколлегию газеты. Однако выбор приглашаемых публицистов в конечном счете остается за редколле-

гией и обусловлен редакционной политикой.

³⁹ Mautner, Gerlinde. Checks and Balances: How Corpus Linguistics Can Contribute to CDA / In R. Wodak & M. Meyer (Eds), *Methods for Critical Discourse Analysis*. London: Sage, 2009. Pp. 122-143.

⁴⁰ Van Dijk, Teun. Racism and Argumentation: 'Race Riot' Rhetoric in Tabloid Editorials / In F. H. van Eemeren (Ed.), *Argumentation illuminated*. Dordrecht: Foris, 1992. Pp. 242-259; Van Dijk, Teun. Discourse Analysis as Ideology Analysis / In C. Schäffner & A. Wenden (Eds), *Language and Pace*. Aldershot: Dartmouth, 1995. Pp. 17-33.

⁴¹ Edensor, Tim. Automobility and National Identity: Representation, Geography and Driving Practice. *Theory // Culture and Society*, 2004, No. 21(4-5), pp. 101-120.

⁴² Wahl-Jorgensen, Karin. Different Strokes, Different Folks: Comparing Danish and British Op-ed Pages // *Grassroots Editor*, 2003, No. 44(4), pp. 9-13.

позицией газеты⁴³. Они «документируют» повседневные заботы граждан, представляя собой форум, на котором они высказываются, расцениваемый как один из ключевых институтов публичной политики⁴⁴. Хабермас⁴⁵ рассматривает ее как хаотичное совещательное пространство, в котором представители разных слоев участвуют в рациональных критических дискуссиях по вопросам, представляющим общественный интерес, и вносят ценный вклад в социально-политическую мысль. Он считает, что общественное мнение – это не совокупность отдельных мнений, а то, к чему люди приходят вместе⁴⁶.

Однако раздел писем не следует рассматривать как «барометр общественного мнения»⁴⁷ и как «микрокосм диверсифици-

рованного общества»⁴⁸. Это скорее «смутное отражение общественного мнения», поскольку авторы не репрезентируют широкую общественность в демографическом и политическом плане⁴⁹. В газету обычно пишут мужчины среднего или старшего возраста, имеющие хорошее образование и работу и придерживающиеся консервативных взглядов⁵⁰.

Helsingin Sanomat

Helsingin Sanomat (HS) – крупнейшая подписная и единственная ежедневная общенациональная широкоформатная газета в Финляндии. Несмотря на самоцензуру после введения в 1948 году поправки в уголовный кодекс, запрещавшей в духе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией подвергать риску международные отношения Финляндии и журналистскую диффамацию в отношении иностранных государств, *Helsingin Sanomat* долгие годы играла важную роль в финском обществе. Газета даже считалась неким органом государственной власти, учреждением, обладавшем независимой социальной и политической волей⁵¹, и виделась «официальным экспертным и правдивым голосом в финском обществе»⁵². Считалось, что она обладает монополией на свободу слова⁵³.

⁴³ Richardson, John E. *Analyzing Newspapers: an Approach from Critical Discourse Analysis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.

⁴⁴ Nagel, Gerald. Letters to the Editor: a Public Bid for Fame // *Columbia Journalism Review*, 1974, No. 13, pp. 47-48; Kapoor, Suraj; Botan, Carl. Studies Compare How Editors Use Letters // *The Masthead*, 1992, No. 44(1), pp. 5-7; Page, Benjamin I. Who Deliberates? Mass Media in Modern Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1996; Reader, Bill. Should 'A Citizen' Have His Say? A Historical Argument for the Publication of Unsigned Commentary in 'Letters to the Editor' Forums. Paper presented AEJMC conference, 5-8 August 2001, Washington, D.C., 2001; Wahl-Jorgensen, Karin. Letters to the Editor as a Forum for Public Deliberation: Modes of Publicity and Democratic Debate // *Critical Studies in Media Communication*, 2001, No. 18(3), pp. 303-320; Hart, Stephen. Cultural Dilemmas of Progressive Politics: Styles of Engagement among Grassroots Activists. Chicago: University of Chicago Press, 2001; Perrin, Andrew J.; Vaisey Stephen B. Parallel Public Spheres: Distance and Discourse in Letters to the Editor // *American Journal of Sociology*, 2008, No. 114(3), pp. 781-810.

⁴⁵ Habermas, Jürgen. *The Structural Transformation of the Public Sphere: an Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

⁴⁶ Habermas, Jürgen. *Moral Consciousness and Communicative Action*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

⁴⁷ Sigelman, Lee; Walkosz Barbara J. Letters to the Editor as a Public Opinion Thermometer: The Martin Luther King Holiday Vote in Arizona // *Social Science Quarterly*, 1992, No. 73(4), pp. 938-946.

⁴⁸ Wahl-Jorgensen, Karin. A "Legitimate Beef" or "Raw Meat"? Civility, Multiculturalism and Letters to the Editor // *Communication Review*, 2004, No. 7(2), pp. 89-105.

⁴⁹ Sigelman, Lee; Walkosz Barbara J. Letters to the Editor as a Public Opinion Thermometer: The Martin Luther King Holiday Vote in Arizona // *Social Science Quarterly*, 1992, No. 73(4), pp. 938-946.

⁵⁰ Singletary, Michael; Cowling, Marianne. Letters to the Editor of the Non-Daily Press // *Journalism Quarterly*, 1979, No. 56(1), pp. 165-168.

⁵¹ Klemola, Pertti. *Helsingin sanomat: sananvapauden monopoli*. Helsinki: Otava, 1981.

⁵² Kaufmann, Rebecca; Broms, Henri. A Semiotic Analysis of the Newspaper Coverage of Chernobyl in the United States, the Soviet Union, and Finland // *Semiotica*, 1988, No. 70(1-2), pp. 27-48.

⁵³ Klemola, Pertti. *Helsingin sanomat: sananvapauden monopoli*. Helsinki: Otava, 1981.

30 ноября 1977 года в HS появился раздел мнений. Доля опубликованных писем в разные годы была разной. За первый год в редакцию поступило 11400 писем, из которых 3727 (или 32,7%) были опубликованы. Поток писем в редакцию HS заметно возрос в период потрясений начала 1990-х годов; до этого их число сохранялось на уровне 14000 в год (См. *График 1*). Количество полученных писем вновь стало расти на рубеже тысячелетий: несмотря на общее снижение участия граждан в общественной жизни, раздел писем оставался одним из самых популярных разделов газеты. Около 80% читателей знакомятся с ним ежедневно. В 2010 году был установлен новый рекорд: в редакцию поступило 24317 писем. Доля принятых к публикации писем в последнее время сохранялась на уровне около 25%.

График 1

Общее число писем, полученных и опубликованных в газете Helsingin Sanomat, 1977-2010

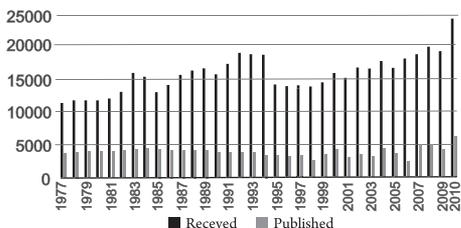

Fig. 1. Total Number of Letters Received and Published by Helsingin Sanomat 1977-2010.

Несмотря на утверждения редакторов раздела мнений о том, что основная его цель – максимально полное отражение всего спектра финского общественного мнения, разумеется, политика редакции влияет на отбор писем для публикации. HS, например, решительно выступала за вступление Финляндии в Евросоюз. На практике это означало, что газета опубликовала значительно больше писем за вступление в ЕС, хотя явное большинство писем, поступивших в газету, на самом деле было против этого. В 2006 году газета открыто поддержала членство Финляндии в НАТО. Позиция HS по отношению к России не так однозначна, хотя с окончанием эпохи самоцензуры в начале 1990-х годов появились более критические голоса.

Доля писем, посвященных непосредственно России (или Советскому Союзу), на рубеже тысячелетий сократилась, однако затем несколько возросла (См. *График 2*). Чем лучше отношения с Россией, тем меньше о ней говорят. При этом как широко распространенная неопределенность 1990-х годов, так и самоутверждение России как крупной державы во второй половине 2000-х явно вызывали озабоченность общественности.

График 2

Доля писем, посвященных России, в общем числе опубликованных писем (%)

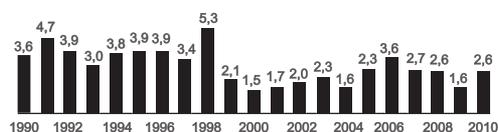

Fig. 2 The Share of Letters Devoted to Russia of All Accepted Letters (%)

Россия – просто один из соседей?

Значение России не только во внешней политике правительства страны, но и в мировоззрении граждан хорошо иллюстрируется степенью ее освещенности в HS. В течение последних двух десятилетий Россия и ее действия были одними из самых популярных тем в газете. Разумеется, количество материалов о «восточном соседе» сократилось после произошедших в 1990-х годах потрясений. По частоте упоминания она переместилась с первого места в 1990 году на второе в 2010 году. Россия и Швеция занимают почти одинаковое место в восприятии финнами внешнего мира. Однако простой анализ частотности слов показывает, что даже сегодня Россия упоминается чаще, чем, скажем, Европейский Союз. После распада СССР мир становился все более однополярным, и США, доминирующие на мировой арене, обсуждались в два раза больше, чем Европейский Союз (См. *График 3*). Тем не менее, с точки зрения повседневных забот США для многих кажутся далекой страной. В то же время значимость Евросоюза после проведения референдума о вступлении Финляндии в эту организацию в 1994 году значительно возросла.

График 3

Число писем в газету Helsingin Sanomat, посвященных России, 1990-2010

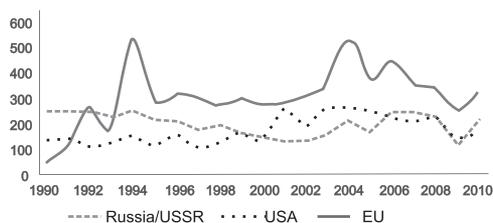

Fig. 3. Russia in Helsingin Sanomat Letters Section 1990-2010

Число публицистических материалов (редакционных статей, «оп-эдов» и писем в редакцию) по российской или советской тематике оставалось стабильным – около 500 материалов в год (См. График 4). Однако если в начале 90-х люди говорили о Советском Союзе как о явно «чужой» стране, то его правопреемник Россия становится «обычной» страной. О ней писали по-прежнему часто, но уже совсем по другим причинам. Теперь это не военная мощь или доминирующее положение в мире, а географическая близость, протяженная общая граница. Анализ писем в редакцию показывает, что наиболее популярны темы, которые больше всего связаны с повседневной жизнью людей.

График 4

Число публицистических материалов о России в Helsingin Sanomat, 1990-2010

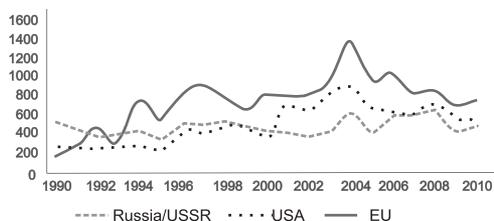

Fig. 4. Russia in Helsingin Sanomat Opinion Pieces 1990-2010

Хотя анализ ключевых слов многое проясняет, показывая общие тенденции последних двух десятилетий, одни только цифры не позволяют увидеть полной картины. Механического чтения текста недостаточно, чтобы понять, что на самом деле он означает или о чем он написан. Если при

упоминании других стран в большинстве случаев используются их названия, в финском жаргоне все еще есть различные эвфемизмы, позволяющие говорить о России без употребления слова «Россия». Такие материалы вписаны в определенный контекст, чтобы позволить читателю надлежащим образом их интерпретировать, мобилизуя свой социальный и культурный багаж. Чаще всего Россию называют «восточным соседом» что, разумеется, не оставляет места для иного толкования. Однако в некоторых случаях она именуется просто «наш сосед», порой саркастически «наш любимый сосед» или просто «медведь».

Для анализа контекста развития трансграничного сотрудничества и изменения представлений о России за период с 1990 по 2010 годы в общей сложности отобраны 4708 статей. Этот материал состоит из текстов-мнений: редакционных статей, «оп-эдов» и писем в редакцию (См. График 5). Число статей-мнений, посвященных России или СССР, варьировало от 134 в 2002 году, до 306 в 1991. Письма в редакцию составляют около половины из них (2383; 51%), остальные представляют собой редакционные статьи (1434; 30%) и «оп-эды» (891; 19%). Для дальнейшего изучения данные отбирались с интервалом в два года, в результате чего общее число статей сократилось до 2688.

График 5

Распределение отобранных материалов по типам

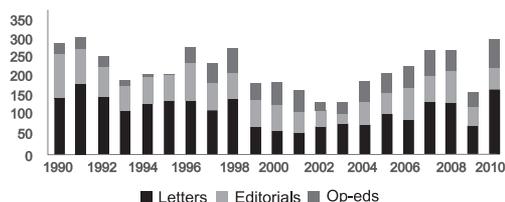

Fig. 5. Distribution of Collected Articles per Year by Type

Создание образа России

За исследуемый период произошли существенные изменения по обе стороны финляндско-российской границы – изменилась Финляндия, изменилась Россия, изменилась Европа. В 1990 году мир был еще разделен на два лагеря, и действовало под-

писанное в 1948 году Соглашение о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и СССР. Однако уже в 1995 году Финляндия вступила в ЕС, и в СМИ постоянно обсуждались такие ранее закрытые темы, как возможное членство в НАТО и возврат утраченных территорий. Эти сдвиги значительно повлияли на восприятие России.

Тематическая категоризация собранных статей была непростой задачей, поскольку многие материалы можно было отнести к нескольким темам. Решения в этих случаях носили относительно субъективный характер. Поэтому *График 6* не столько дает представление о распределении материалов по темам, сколько показывает общие тенденции его изменения. Различия в тематике между разными типами статей-мнений незначительны.

График 6

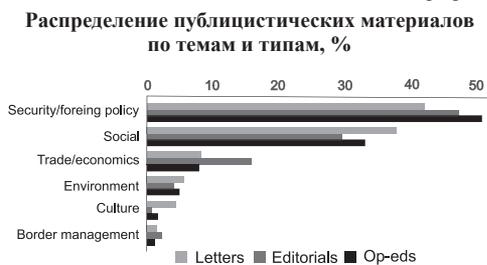

Fig. 6. Sectors of Opinion Pieces by Type of Article, % of Total

За период исследования главными темами были вопросы безопасности / внешней политики (45,4%) и социальные проблемы (34,5%). В определенные годы (1995-1998, 2006 и 2010) более мелкие социальные проблемы (38,0%) по популярности почти не уступали крупным проблемам безопасности и внешней политики (42,2%). В «оп-эдах» и редакционных статьях примерно половина текстов определенно относилась к безопасности и внешней политике. Торговля и другие экономические вопросы обсуждались в первую очередь в редакционных статьях (16,0%). Другие темы, выбранные на основе анализа всех статей, посвященных России, рассматривались редко, особенно управление границей и экономические вопросы.

Авторы, затронувшие культурную жизнь России, описывают ее менее негатив-

но (См. *График 7*). Хотя доля положительных оценок все же низка, большинство текстов написано в нейтральном тоне. Многие из них касались возможностей сотрудничества с Россией в области культуры, знакомства с ее богатством либо культурных сходств между Россией и Финляндией. В материалах по другим темам речь шла скорее о различиях, чем сходствах между странами, и Россия виделась скорее в негативном свете.

График 7

Распределение публицистических материалов по тональности

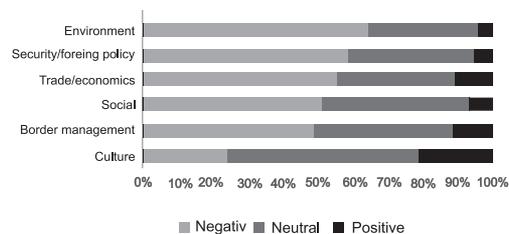

Fig. 7. Sectors vs Tone

Временной анализ тона статей выявил интересную траекторию (См. *График 8*). Осторожность начала 1990-х годов вскоре сменилась большей критикой, а эйфорию прогнозов простого и короткого переходного периода в России быстро затмило возросшее понимание негативных последствий и побочных эффектов распада советской системы. Кроме того, в либеральной обстановке, сложившейся после 1992 года, укоренившаяся традиция самоцензуры постепенно ослабевала, давая больше места открытому высказыванию мнений. Кульминация пришла на конец 1998 – начало 1999 года, когда российское общество потряс тяжелый финансовый кризис.

График 8

Распределение публицистических материалов по тональности в 1990-2010 гг., %

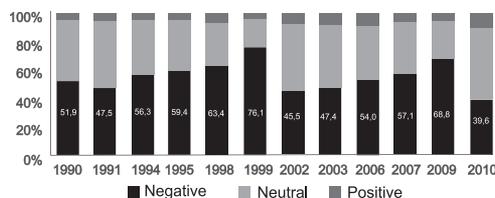

Fig. 8. Distribution of Tones 1990–2010, % of Total

Порой должно стать хуже перед тем, как станет лучше. Кризис привел к перезагрузке отношений между странами, поскольку очевидная драма кризиса придала России более человеческое лицо. Если в 1999 году в негативном тоне было написано не менее 76,1% статей, то к 2002 году их доля сократилась до 45,5%. Такой быстрый сдвиг во многом может быть объяснен большими надеждами, связанными с приходом к власти В. Путина, с которым после тяжелых 1990-х связывалось обеспечение крайне необходимой стабильности. Стабильная Россия воспринималась как лучший вариант для Финляндии, чем Россия непредсказуемая и неконтролируемая.

Несмотря на официальную риторику о сотрудничестве между ЕС и Россией, она так и не материализовалась во что-либо конкретное. Стратегии обеих сторон отражали общую заинтересованность в расширении сотрудничества. Разумеется, ЕС и Россия стали более важными партнерами, однако их отношения с самого начала были далеки от «стратегических». Несмотря на громкие заявления, предлагаемые «единые пространства» и «дорожные карты» не дали существенных результатов.

Тон статей о России становился все более негативным, поскольку стало очевидно, что вместо попыток трансформировать страну в демократию западного типа, как надеялся Запад, президент Путин прилагал усилия по восстановлению единства страны, укреплению авторитета государства и ужесточению контроля федерального центра над регионами, чтобы вернуть России статус великой державы. Благодаря огромным энергетическим запасам и связанному с ними экономическому росту, Россия Путина становилась все более уверенной в себе, напористой и осознающей свое стратегическое значение в мире. К 2009 году на пике финансового кризиса доля негативных материалов вновь выросла до 68,8%.

История, однако, повторилась: финансовый кризис глубоко потряс страну и показал, как на самом деле глубоко взаимосвязана мировая экономика. Приведения в порядок собственного дома уже было недостаточно; кризис мог быть преодолен только

путем скоординированных, совместных усилий. Осознание этого подтолкнуло Россию к перезагрузке и пересмотру своих отношений прежде всего с Соединенными Штатами; смягчился тон в обсуждении нового соглашения о партнерстве с ЕС. Тональность мнений стала быстро смягчаться.

Отдельный анализ писем, «оп-эдов» и редакционных статей обнаруживает почти идеальную корреляцию трендов (См. *График 9*). Среди «оп-эдов» негативных было 2,1%, нейтральных 31,7%, позитивных 6,2%, из редакционных статей негативных 61,6%, нейтральных 31,7%, позитивных 6,7%. Письма носили менее критичный характер: 48,5% из них можно расценить как негативные, 44,7% – как нейтральные и 8,3% – как позитивные.

График 9

Негативные публицистические материалы о России: соотношение писем, экспертных мнений и редакционных статей, %

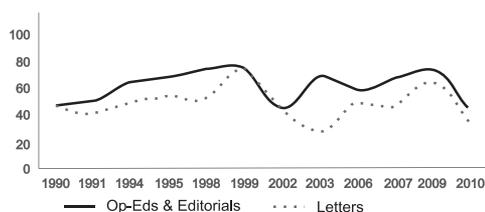

Fig. 9. Writings with Negative Tone on Russia. Letters vs. Op-eds and Editorials, % of the Total

Хотя письма едва ли можно считать репрезентативным отражением *vox populi*, они, безусловно, представляют глас народа более точно, чем интеллектуальные «оп-эды» или собственная позиция газеты, выражаемая в редакционных статьях. Многие письма написаны в ответ на «оп-эды» и редакционные статьи, однако, как показывает рисунок, их тематика и тональность взаимосвязаны. Причинно-следственные связи здесь, разумеется, доказать трудно; следует иметь в виду, что все опубликованные письма прошли процесс отбора. Очевидно, что негативные тексты порождают больше негативных текстов, чем стремление оспорить высказанные мнения.

В целом из 2383 проанализированных статей только 171 имеет положительную коннотацию. Из них 90, или 52,6%, были

письмами, 53 позитивные точки зрения были представлены в редакционных статьях и 28 – в «оп-эдах». Из положительных материалов большинство (21,1%) касалось культурных аспектов, 11,4% – торговли и экономики. На другом полюсе – материалы о безопасности и внешней политике, экологии и внутренней политике: позитивных оценок в них было явно меньше (соответственно 5,2; 3,9 и 2,8%).

Заключение

В комнате находится большая горилла, которая не собирается уходить. Даже когда горилла тихо сидит в углу комнаты, не причиняя никому вреда, ее присутствие очевидно. Поскольку она занимает большую часть комнаты, игнорировать ее невозможно. Даже ее незначительные движения вызывают беспокойство, так как никто не знает, куда она пойдет. Так или иначе, горилла должна участвовать во всех крупных дискуссиях, происходящих в комнате, будь они о ЕС, НАТО или погоде. Она вызывает сильные чувства «за» и «против» – у всех есть, что сказать по этому поводу.

Анализ публичных обсуждений в газете *Helsingin Sanomat* дает интересный обзор того, как в Финляндии с 1990 до конца 2010 года менялись отношение к России и представления о ней. В начале 1990-х годов официальный имидж восточного соседа начал рушиться, образуя вакуум, который нужно было заполнить. Материалы HS в начале анализируемого в этой статье двадцатилетнего периода показали, что нельзя закрыть глаза на ситуацию, как это делалось раньше, надеясь, что горилла или, скорее, медведь, просто исчезнет, если о нем не будут говорить. Умолчание о связанных с восточным соседом проблемах стало, пусть и не быстро, трансформироваться в более однозначные оценки ситуации. Формировалось представление о том, что «финляндизация» и связанные с ней порой неадекватные идеи, ставившие под сомнение финскую политику нейтралитета, изжили себя. Они стали служить доказательством недостаточного понимания того, что значило жить рядом с непредсказуемой сверхдержавой.

Если на Западе отношение к России менялось порой в один миг от эйфории до негодования, от отчаяния до надежды, то базовые представления финнов о России были более стабильными. Отчасти это можно объяснить тем, что события в России постоянно освещаются в финских СМИ и публичных дебатах, в то время как в более далеких от нее странах ее образ формируется на основе наиболее ярких новостей. Финны по-прежнему сохраняют осторожность и обосновывают свою позицию прошлым опытом. Следует ли это называть русофобией или реализмом, зависит от точки зрения. Недавние события лишь подтвердили реалистичность оценок.

Дискуссии о России, безусловно, эволюционировали на протяжении двух десятилетий, но изменения не были прямолинейными и однозначными. Возник ряд альтернативных тенденций, и по-прежнему существует множество вариантов интерпретации событий. Иными словами, образ России воспринимается по-разному в различных контекстах, на разных уровнях, в разных сферах деятельности и разными участниками. Россия видится очень по-разному в зависимости от того, рассматривается ли она в контексте повседневной жизни, как страна-сосед, или как возрождающаяся сверхдержава.

Кроме того, у разных людей по-разному формируются представления о России. Странники старой школы политики дружбы по-прежнему имеют романтизированное представление о ней и с осторожностью относятся к отказу от принципа неприсоединения Финляндии. Другие пытаются бороться с географическими факторами и видеть Финляндию в центре Евросоюза как подлинно западноевропейскую нацию. Среди экспертов по России пессимисты, кажется, оказываются правы чаще, чем оптимисты. Одни по-прежнему считают Россию навсегда чужой страной, любое взаимодействие с которой обречено на провал, другие – что сотрудничество возможно только через признание фактов, какими бы они ни были.

Чем дальше Россия, тем больше она кажется европейской. Контраст более очевиден на самой границе, где чаще всего происходит повседневное взаимодействие между

представителями обеих стран. Это, однако, не должно рассматриваться как что-то отрицательное по своей сути. Различия в языке, моделях управления, финансовых ресурсах, специфике интересов, уровне знаний, непостоянство целей и людей, ответственных за отдельные проекты, чаще всего объясняемые недостаточным развитием трансграничных отношений, разным уровнем цен или различиями в законодательстве, на самом деле могут способствовать взаимодействию.

В целом, в отличие от документов ЕС и речей финского политического руководства, которые рисовали довольно оптимистичную картину процессов в России, публичные обсуждения в HS носили более пессимистичный характер. Данное исследование полностью подтверждает выводы Л. Лоунасмери⁵⁴ о том, что повседневные дискуссии опираются на прошлое и порой в нем застревают. Позиция и аргументы, отстаиваемые в письмах в редакцию, как правило, строятся на традиционалистском подходе, опыте прошлого и предположении о том, что Россия не изменилась и не изменится. Комментарии часто преподносятся как исторические факты, которые затем используются в описании России. Если редакционные статьи и «оп-эды», как правило, касаются долгосрочных процессов, то в письмах часто затрагивают отдельные, изолированные события, используемые в качестве *еще одного* доказательства неспособности России сделать так, как надо – разумеется, с финской точки зрения. В письмах Россию изображают как угрозу и стремятся подчеркнуть различия, отмечая, что несмотря на возможную выгоду от большего взаимодействия, граница как таковая по-прежнему нужна с точки зрения формирования идентичности и ментальных конструкций, как напоминание о прошлых событиях.

СМИ играют центральную роль в обеспечении (вос)производства исторических образов и нарративов в публичной сфере. Ретроспективное переписывание истории

⁵⁴ Lounasmeri, Lotta. Lähellä, mutta niin kaukana? Suomalaisen Venäjäkuvan äärellä / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 7-15.

всегда является политическим проектом для достижения определенных целей путем целенаправленного акцентирования одних событий и процессов и преуменьшения других. Такие пересказы истории частично могут быть поняты как терапевтические откровения, но могут представлять собой попытки подвести историю под «истину», кажущуюся объективной в субъективном восприятии и политико-идеологической ориентации индивида. Яркий пример – воспроизводство границ через мобилизацию исторической памяти, затрагивающую исторические несправедливости или укрепляющие групповую идентичность, нередко путем утверждения негативных стереотипов о «не наших». В результате отрицательные предубеждения вновь оживают и обновляются⁵⁵. Если большинство писем посвящалось локальным проблемам, то анализ событий внутри России и ее роли на международной арене был уделом редакционных статей и «оп-эдов».

Однако двигаться вперед очень трудно, когда смотришь назад. Редакционные статьи и «оп-эды», в которых подчеркиваются высказывания элиты, как правило, основаны на более традиционалистском подходе и сосредоточены на потенциальных возможностях, хотя порой несколько сомнительным образом. В таких статьях часто размышляют о будущем, порой забывая о прошлом. Такие статьи нередко опускают отношения Финляндии и России до уровня прагматических «за» и «против»⁵⁶. Они игнорируют более глубокие, фундаментальные, часто эмоциональные реакции, отражаемые в письмах.

В концептуализации роли России в финской культуре используются мифы. Для создания желаемого смысла слова фразы и выражения тщательно, иногда интуитивно отбираются в семиотических ресурсах общества и культуры. Выбор этих ресурсов определяется основным мифом, который

⁵⁵ Papadakis, Yiannis. *Echoes from the Dead Zone: Across the Cyprus Divide*. London: I.B. Tauris, 2005.

⁵⁶ Lounasmeri, Lotta. Lähellä, mutta niin kaukana? Suomalaisen Venäjäkuvan äärellä / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 7-15.

затем снова подтверждается при их использовании. Этот миф имеет также идеологическую функцию. Он используется для передачи идеологических норм, а также доминирующих и исторических ценностей финской культуры. Таким образом, миф служит для того, чтобы сделать коллективные взгляды и убеждения, пусть и необоснованные, естественными и самоочевидными. До тех пор, пока он не подлежит сомнению, миф не нужно воспринимать как миф, а скорее как культурно-объективное и «истинное» отражение вещей⁵⁷.

Тексты-мнения, проанализированные в данном исследовании, не могут считаться только формой коммуникации, т.е. передачей знаний от автора к читателям. Наоборот, они являются яркими примерами коммуникативного построения смыслов, с помощью которого они вызывают у читателя желание их интерпретации. Чем сильнее основной миф, тем легче автору (отправителю сообщения) и читателю (получателю сообщения) прийти к общей интерпретации. В случае с Финляндией очевидность мифа о России в том, как можно говорить и писать о России: многие вещи умалчиваются и читаются между строк. В результате создан некий шифр, который может быть раскрыт только теми, кто знаком с соответствующими кодами и обладает соответствующим социальным знанием, из чего исходит отправитель.

Социальное конструирование национальной идентичности вряд ли может быть более очевидным. Группа «мы» определяется в процессе «инаковизации» (*othering*): чем больше отрицательных качеств приписывается группе «они», тем позитивнее воспринимается группа «мы». Социально-экономические различия по обе стороны границы часто преподносятся как нечто положительное, так как это полезно в усилении образа процветающей Финляндии и поддержании ее отличий от России. В письмах образ России по-прежнему во многом ассоциируется с медведем, который рычит, бьет, топает и ведет себя агрессивно. Медведя стоит бояться: этот образ используется для поддержания

образа России как агрессивной, варварской, неповоротливой и упрямой страны. Независимо от их точности, эти характеристики подтверждают различие между двумя нациями. Среди финнов они вызывают чувство предполагаемого превосходства над соседом, который, возможно, сильный, но изображается как нецивилизованный.

Разговорный язык изобилует более резкими выражениями о России и россиянах, ни одно из которых не является положительным. При этом многие выражения употребляются даже в достаточно формальной обстановке, не вызывая особого негодования. Хотя публикации такого рода выделяются среди материалов, попавших в бумажную версию HS, комментарии, оставляемые на интернет-страницах газеты, часто прибегают к использованию стереотипов за отсутствием других средств донести ту или иную мысль.

Постоянное использование этих пренебрежительных высказываний оправдывается тем, что они являются лишь обычными, не несущими особой смысловой нагрузки идиомами, но возможно, в этом и кроется суть проблемы: с учетом географической близости повседневные трансграничные отношения по-прежнему далеко не «нормализованы», и их потенциал используется недостаточно. Если использование стереотипных и намеренно вводящих в заблуждение описаний говорит больше о финнах, чем о россиянах, базовые подходы, которые они подразумевают, явно расходятся с риторикой о стремлении стереть психологические барьеры.

По-видимому, существует также постоянная необходимость «подкармливать» и поддерживать представление о России как угрозе. Хотя известно, что больший интерес вызывают плохие новости, чем хорошие, подобные описания России в СМИ обусловлены далеко не только этим. Мнения, отобранные к публикации, дают весьма негативные представления о России; даже изначально положительные события и явления, как правило, искажаются и преподносятся негативно. Негативные предубеждения повторяются и используются для разных целей, порой с характерным подбором слов. Негативные

⁵⁷ Barthes, Roland. *Image-Music-Text*. London: Fontana Press, 1977.

глаголы часто сопровождаются эпитетом «как обычно» или «опять», как бы намекая, что данное явление типично для России. Хотя такие неприятные черты, как правило, официально преподносятся как достойные сожаления, язык и отдельные слова, используемые сотрудниками HS в редакционных статьях и особенно в «оп-эдах», лишь подливают масла в огонь и усиливают общую негативную тональность.

Но вернемся к нашей «горилле». Когда дебаты принимали более конструктивный характер и опирались на конкретные примеры с реальными именами, а не на ментальные образы и фигуры речи, горилла начала трансформироваться в более адекватного партнера. Горилла, конечно, еще оставалась большой, но по мере углубления диалога она казалась уже более предсказуемой, появилась возможность взаимного обмена идеями. Вместо того, чтобы прогнать или продолжать бояться ее, была предпринята реальная попытка подружиться и сотрудничать с ней по решению наших общих проблем. Это позволило снять «тропическую лихорадку», в результате чего отношения с гориллой стали более нормальными, а сама горилла стала желанным гостем.

References:

- Aittokoski, Heikki; Kovanen, Inka.* Suomalaiset suhtautuvat erittäin karsaasti Venäjään // *Helsingin Sanomat*, 11 October 2004.
- Aro, J. E.; Rosberg, Johan E.; Poijärvi, L. Arvi P.* Koulun maantieto. Helsinki: Otava, 1947.
- Barthes, Roland.* Image-Music-Text. London: Fontana Press, 1977.
- Browning, Christopher S.; Lehti, Marko.* Beyond East-West: Marginality and National Dignity in Finnish Identity Construction // *Nationalities Papers* 2007, No. 35(4), pp. 691-716.
- Ciofalo, Andrew; Traverso, Kim.* Does the Op-ed Page Have a Chance to Become a Public Forum? // *Newspaper Research Journal*, 1994, No. 15(4), pp. 51-63.
- Edensor, Tim.* Automobility and National Identity: Representation, Geography and Driving Practice. Theory // *Culture and Society*, 2004, No. 21(4-5), pp. 101-120.
- Fowler, Roger.* Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge, 1991.
- Grey, David L.; Brown, Trevor R.* Letters to the Editor: Hazy Reflections of Public Opinion // *Journalism Quarterly*, 1970, No. 47, pp. 450-471.
- Habermas, Jürgen.* Moral Consciousness and Communicative Action. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- Habermas, Jürgen.* The Structural Transformation of the Public Sphere: an Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

Haikonen, Jyrki; Kiljunen, Pentti. Mitä mieltä, suomalainen? Helsinki: Taloustieto, 2003.

Hakovirta, H. Odota ja katso: analyysi Suomen läntisen integraatiopolitiikan perusmallista / In H. Hakovirta & R. Väyrynen (Eds), *Suomen ulkopolitiikka*. Jyväskylä: Gummerus, 1975. Pp. 415-419.

Hallikainen, Anna. Venäjän kahdet kasvot: maakunnallisten ohjelma-asiakirjojen ja vertailuaineiston välittämä Venäjä-kuva. Tampere: Tampere University Press, 2003.

Harle, Vilho; Moisio, Sami. Missä on Suomi? Kansallisen identiteettipolitiikan historia ja geopolitiikka. Tampere: Vastapaino, 2000.

Hart, Stephen. Cultural Dilemmas of Progressive Politics: Styles of Engagement among Grassroots Activists. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

Helakorpi, Seppo; Juuti, Pauli; Niemi, Hannele. Tiimiorganisoitu koulu. Juva: WSOY, 1996.

Holmén, Janne. Den politiska läroboken: bilden av USA och Sovjetunionen i norska, svenska och finländska läroböcker under Kalla kriget. Uppsala: Uppsala University, 2006.

Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*, 1993, No. 72(3), pp. 22-49.

Immonen, Kari. Ryssästä saa puhua... / Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918–1939. Helsinki: Otava, 1987.

Immonen, Kari. Suomalaisen Venäjä-kuva ja uusi Neuvostoliitto. Kuopio: Snellman instituutti, 1990.

Jukarainen, Pirjo. Rauhan ja raudan rajoilla: nuorten maailmanjäsenyyksiä Suomen ja Venäjä sekä Ruotsin ja Suomen rajojen tuntumassa. Helsinki: Like, 2001.

Kapoor, Suraj; Botan, Carl. Studies Compare How Editors Use Letters // *The Masthead*, 1992, No. 44(1), pp. 5-7.

Kaufmann, Rebecca; Broms, Henri. A Semiotic Analysis of the Newspaper Coverage of Chernobyl in the United States, the Soviet Union, and Finland // *Semiotica*, 1988, No. 70(1-2), pp. 27-48.

Klemola, Pertti. Helsingin sanomat: sananvapauden monopoli. Helsinki: Otava, 1981.

Klinge, Matti. Keisarin Suomi. Espoo: Schildts & Söderströms, 1997.

Linnell, Jarno. Suomen uhkavapoliitiikka 2000-luvun alussa. Helsinki: National Defence University, Department of Strategic and Defence Studies, 2009.

Lounasmeri, Lotta. Lähellä, mutta niin kaukana? Suomalaisen Venäjäkuvan äärellä / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 7-15.

Lounasmeri, Lotta. Sinivalkoisin vai vaaleanpunaisin silmälasien? Neuvostoliiton kuva suomalaisessa julkisuudessa Tšekkoslovakian miehityksestä Janajevin junaan / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 68-124.

Luostarinen, Heikki. Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image. *Journal of Peace Research*, 1989, No. 26, pp. 123-137.

Luostarinen, Heikki. Perivihollinen: Suomen oikeistolehdistön Neuvostoliittoa koskeva viholliskuva sodassa 1941–1944, tausta ja sisältö. Tampere: Vastapaino, 1986.

Mautner, Gerlinde. Checks and Balances: How Corpus Linguistics Can Contribute to CDA / In R. Wodak & M. Meyer (Eds), *Methods for Critical Discourse Analysis*. London: Sage, 2009. Pp. 122-143.

- Mavers, Diane.* Student Text-Making as Semiotic Work // *Journal of Early Childhood Literacy*, 2009, No. 9(2), pp. 141-155.
- Nagel, Gerald.* Letters to the Editor: a Public Bid for Fame // *Columbia Journalism Review*, 1974, No. 13, pp. 47-48.
- Nokkala, Arto.* Uhka ja kumppani: Venäjä Suomen puolustushallinnossa. Helsinki: National Defence University, 2009.
- Ojajärvi, Sanna; Valtonen, Sanna.* Karhun ja kassakoneen naapurissa: journalismin ja kansalaisten Venäjät / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 19-67.
- Paasi, Anssi.* Territories, Boundaries and Consciousness: the Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester: John Wiley & Sons, 1996.
- Paasi, Anssi.* The Construction of Socio-Spatial Consciousness: Geographical Perspectives on the History and Contexts of Finnish Nationalism // *Nordisk samhällsgeografisk tidskrift*, 1992, No. 15, pp. 79-100.
- Page, Benjamin I.* Who Deliberates? Mass Media in Modern Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Papadakis, Yiannis.* Echoes from the Dead Zone: Across the Cyprus Divide. London: I.B. Tauris, 2005.
- Perrin, Andrew J.; Väisey Stephen B.* Parallel Public Spheres: Distance and Discourse in Letters to the Editor // *American Journal of Sociology*, 2008, No. 114(3), pp. 781-810.
- Pietiläinen, Jukka.* Venäjä ulkomaan uutisoinnin kohteena: erikoistapaus? / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2001. Pp. 171-189.
- Raittila, Pentti.* Etniset aiheet, vähemmistöt ja niiden suhteet suomalaisessa journalismissa vuonna 2000 / In P. Raittila (Ed.), *Etnisyys ja rasismi journalismissa*. Tampere: University of Tampere Press, 2002. Pp. 31-108.
- Raittila, Pentti.* Suomalaisnuoret ja idän ihmemia. Helsinki: Valtion painatuskeskus, 1988.
- Raittila, Pentti.* Venäjä kansalaismielipiteenä / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 125-168.
- Reader, Bill.* Should 'A Citizen' Have His Say? A Historical Argument for the Publication of Unsigned Commentary in 'Letters to the Editor' Forums. Paper presented AEJMC conference, 5-8 August 2001, Washington, D.C., 2001.
- Richardson, John E.* Analyzing Newspapers: an Approach from Critical Discourse Analysis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.
- Seppänen, Esa.* Venäjä vanha tuttu, vaan niin vieras. Suomen naapurikuvan todet, luulot ja harhat. Helsinki: Tammi, 2010.
- Sigelman, Lee; Walkosz Barbara J.* Letters to the Editor as a Public Opinion Thermometer: The Martin Luther King Holiday Vote in Arizona // *Social Science Quarterly*, 1992, No. 73(4), pp. 938-946.
- Singletary, Michael; Cowling, Marianne.* Letters to the Editor of the Non-Daily Press // *Journalism Quarterly*, 1979, No. 56(1), pp. 165-168.
- Suutarinen, Sakari.* Kansallisen identiteetin opettaminen ja uuden vuosituhannen haasteet / In S. Suutarinen (Ed.), *Nuoresta pätevä kansalainen*. Jyväskylä: University of Jyväskylä, 2000. Pp. 86-126.
- Tuomisalo, T.* Aivopesun jälkeen syytäkin metelöidä / *Helsingin Sanomat*, 28 March, 2009.
- Van Dijk, Teun.* Discourse Analysis as Ideology Analysis / In C. Schäffner & A. Wenden (Eds.), *Language and Pace*. Aldershot: Dartmouth, 1995. Pp. 17-33.
- Van Dijk, Teun.* Racism and Argumentation: 'Race Riot' Rhetoric in Tabloid Editorials / In F. H. van Eemeren (Ed.), *Argumentation illuminated*. Dordrecht: Foris, 1992. Pp. 242-259.
- Vihavainen, Timo.* (eds). Venäjän kahdet kasvot: Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä. Helsinki: Edita, 2004.
- Voionmaa, Väinö.* Suomen uusi asema: Maantieteellisiä ja historiallisia peruspiirteitä. Porvoo: WSOY, 1919.
- Wahl-Jorgensen, Karin.* A "Legitimate Beef" or "Raw Meat"? Civility, Multiculturalism and Letters to the Editor // *Communication Review*, 2004, No. 7(2), pp. 89-105.
- Wahl-Jorgensen, Karin.* Different Strokes, Different Folks: Comparing Danish and British Op-ed Pages // *Grassroots Editor*, 2003, No. 44(4), pp. 9-13.
- Wahl-Jorgensen, Karin.* Letters to the Editor // *Peace Review*, 1999, No. 11(1), pp. 53-59.
- Wahl-Jorgensen, Karin.* Letters to the Editor as a Forum for Public Deliberation: Modes of Publicity and Democratic Debate // *Critical Studies in Media Communication*, 2001, No. 18(3), pp. 303-320.
- Wahl-Jorgensen, Karin.* Op-ed Pages / In B. Franklin (Ed.), *Pulling Newspapers Apart*. London: Routledge, 2008. Pp. 70-79.
- Wahl-Jorgensen, Karin.* Playground of the Pundits or Voice of the People? Comparing British and Danish Opinion Pages // *Journalism Studies*, 2004, No. 5(1), pp. 59-70.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-123-139>

PERCEPTION OF RUSSIA IN THE FINNISH PUBLIC CONSCIOUSNESS

Jussi Laine

*Association for Borderlands Studies, University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland*

<p>Article history: <i>Received:</i> 15 October 2016 <i>Accepted:</i> 15 November 2016</p>	<p>Abstract: Finland and the Russian Federation share significant overlaps in history. With the exception of a couple of conflicts, the relationship between the two is commonly described as friendly. With a common border of more than 1.300 kilometers, Finland has always been closely tied to its eastern neighbor. Despite the physical proximity, the Cold War era closure of the border increased the mental distance between the two sides, and fostered an image of the other colored largely by attitudinal stereotypes. For a long time, a good fence indeed made good neighbors. The resultant ‘us’ versus ‘them’ mentality etched in the minds of many has proven to be far more deeply rooted and harder to erase than the political border per se. In an attempt to trace the development of the portrayed image of Russia, this article analyzes the opinion columns featured in the main Finnish newspaper <i>Helsingin Sanomat</i> during 1990–2010. The analysis suggests that little effort has been made to improve the popular geopolitical image of Russia. While understanding the potential of having Russia as a neighbor, many Finns continue to actively reconfirm the elements in the neighbor, which should be let go in order to move beyond stereotypes. This tendency is only reinforced by the load of the language used in the opinion writings, which seems to inhibit people from critically evaluating the opinions and views that they hold. Myths about Russia are used for transferring ideological norms and dominant historical values of Finnish culture. Therefore, myths serve to make collective views and convictions natural and evident, even if they ungrounded. Stronger is the main myth, easier it is for both the author (the message’s sender) and the reader (the message’s recipient) to find a common interpretation. As a result, it creates a code which can be understood only by those who know it and possesses a respective social knowledge.</p>
<p>About the author: Executive Secretary, Treasurer, Association for Borderlands Studies, University of Eastern Finland, Karelian Institutes e-mail: jussi.laine@uef.fi</p>	
<p>Key words: Image; Finland; Russia; newspapers; publicism; opinion journalism.</p>	

Для цитирования: Лайне Ю. Восприятие России в общественном сознании Финляндии // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 1. – С. 123-139.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-123-139

For citation: Laine, Jussi. Vospriiatie Rossii v obshchestvennom soznanii Finliandii (Perception of Russia in the Finnish Public Consciousness) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.1, pp. 123-139.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-123-139